

Р. Г. СКРЫННИКОВ

Курбский и его письма в Псково-Печерский монастырь

Послания А. М. Курбского старцу Псково-Печерского монастыря Васьяну Муромцеву представляют собой выдающийся памятник публицистической литературы XVI в. Послания эти являются также ценным памятником идеологической и политической борьбы накануне опричнины.

Сохранились три послания Курбского в Псково-Печерский монастырь. Первое адресовано «некоему старцу» монастыря, в двух других прямо названо имя адресата старца Васьяна. Первые два послания известны по рукописям: 1) ГБЛ, собр. Беляева, № 55/1549 (скоропись XVII в.); 2) ГПБ, собр. Соловецкого монастыря, № 962/852 (скоропись начала XVII в.); 3) ГИМ, собр. Уварова, № 1971 (скоропись XVIII в.).

Все три рукописи были использованы при издании посланий Курбского Г. Э. Кунцевичем.¹ В основу публикации текста Г. Э. Кунцевич положил рукопись из собрания И. Д. Беляева. При ближайшем рассмотрении, однако, оказывается, что Беляевский список является сокращенной редакцией первых двух посланий Курбского.

Более исправный и полный текст передает рукопись ГПБ, собр. Соловецкого монастыря, № 962/852, воспроизведенная Кунцевичем в различиях. В состав небольшого по объему Соловецкого сборника входят документы 80—90-х годов XVI в.: «Утвержденная грамота» царя Федора Ивановича, грамота об избрании царя Бориса, послание к Борису патриарха Иова и в конце сборника «здравная» за царя Бориса.²

Судя по его составу, Соловецкий сборник восходит к концу XVI в. и принадлежит к числу древнейших сборников, включающих сочинения Курбского. Соловецкий сборник воспроизводит не только наиболее древний, но и наиболее полный текст первых двух посланий Курбского, содержащий ряд сведений, отсутствующих во всех других списках. Так, например, в различных списках первое послание Курбского Васьяну начинается со следующей фразы: «Книга глаголемая Раиская, иже суть в божиих церквах, некая уже от словес в ней смотрел есми».³ По Соловецкому списку эта явно испорченная при переписке фраза читается иначе: «Книга глаголемая Раиская иже суть в божиих церквах, некая раиская от вашей святости к рукам моим пришла и некая уже от словес в ней смотрел есми».⁴ В начале второго послания поздней редакции читаем: «Писанеице твое, любовию помазанное, дошло до меня и много челом бью на благих твоих».⁵ По Соловецкому списку эта фраза читается так: «Писанеицо твое любовию помазанное, дошло до меня, а книгу и Герасимово

¹ Сочинения князя Курбского, т. 1—РИБ, т. XXXI. СПб., 1914, стр. VI—VII; № IX, стр. 377—382, № X, стр. 383—404.

² [И. Я. Порфирьев.] Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии, ч. 2. Казань, 1885, стр. 553—559

³ РИБ, т. XXXI, стр. 377.

⁴ Там же, прим. 4.

⁵ Там же, стр. 383.

житие и счет летом привезли же ко мне и много челом бью на блага твоих».⁶

Сведения о присылке книг и в особенности денежных счетов Курбскому из Печерского монастыря представлялись не только малоинтересными, но и неуместными в глазах позднейших переписчиков, монахов XVII в., и потому все эти сведения были исключены. Вместе с тем переписчики XVII в., симпатизировавшие «благочестивому мужу», сочли необходимым прокомментировать первое послание Курбского, приписав в конце его следующую фразу: «Зри в концы писания сего, что глаголет, слыша бо о себе благочестивыи сеи муж наветы и умышления великаго князя, еже хотяше убити, и сего ради сице пишет, и помышляше, как бы избегнути неправеднаго его убиения»⁷ Эта приписка отсутствует в древнейшем Соловецком списке первого послания.

Соловецкая рукопись воспроизводит первоначальную редакцию посланий Курбского. В различных списках второго послания Курбского читаем «Где Илия, о Науфеове крови возревновавыи, и ста царю в лице со обличением»⁸ То же место в Соловецкой рукописи выглядит иначе: «Где Илия, о Нафееве крови возревновавыи и стя царю в лице обличением, где Елисее посрамивыи царя и Израилева сына Ахавова»⁹

Сказанное выше не оставляет сомнений в том, что Соловецкий список представляет собой не только древнейший, но и наиболее исправный список первых двух посланий Курбского в Псково-Печерский монастырь, не подвергавшийся позднейшим переделкам и сокращениям.

Третье послание Курбского Васьяну сохранилось в составе следующих сборников 1) ГИМ собр Уварова № 1584 (скоропись XVII в.), 2) ГИМ Муз, № 2524/42797 (скоропись XVII в.); 3) ГПБ, собр Погодина, № 1567 (скоропись XVII в.); 4) ГПБ, собр. Погодина, № 1573 (скоропись XVII в.) В составе сборников №№ 2 и 4 письму Курбского предпослана его же краткая записка в Юрьев, причем в сборнике № 4 записка помещена непосредственно после заголовка «Курбскаго в Печерской монастырь», перед текстом послания.¹⁰

Очень интересен комплекс документов, составляющих непосредственное окружение третьего послания Курбского. В состав сборника № 1 входят записка Курбского в Юрьев (л. 1), его же послание (третье) старцу Васьяну (лл 1—4), его же послание царю из Вольмара (лл. 5—9), послание Тетерина М Я Морозову в Юрьев (лл 9 об—11), грамота Полубенского в Юрьев (лл. 11 об.—13).¹¹ За некоторым исключением, тот же комплекс документов находим в составе сборника № 3 третье послание Курбского Васьяну, его же послание царю, письма Тетерина и Полубенского в Юрьев и, наконец, ответ царя Курбскому, датированный 5 июля 1564 г.¹²

Погодинский сборник № 1567 относится к самому началу XVII в. и, как показал Я С. Лурье, примерно на полстолетия старше всех других

⁶ Там же, прим 3

⁷ Там же, стр 382

⁸ Там же, стр 395

⁹ Там же, стр 396, прим 14—17

¹⁰ См А Ф Бычков в Описание церковнославянских и русских рукописных сборников императорской Публичной библиотеки, ч 1 СПб, 1882, стр 142

¹¹ Архим Леонид Систематическое описание рукописей собрания гр Уварова, ч 3 М 1894, стр 232—233

¹² Послания Ивана Грозного Подготовка текста Д С Лихачева и Я С Лурье Под ред чл корр АН СССР В П Адриановой-Перетц М—Л, 1951 (серия «Литературные памятники»), стр 533—540

сборников аналогичного содержания.¹³ Этот список, вероятно, восходит к сборнику, составленному в Печерском монастыре, и передает древнейший список третьего послания Курбского в Псково-Печерский монастырь.

Для правильной оценки содержания посланий Курбского важно верно датировать их.

Е. В. Петухов полагал, что все три послания Васьяну были написаны Курбским из эмиграции. В конце второго послания Курбский упоминал о том, что интересовавшие его книги Скорины «переведены не в давних летах, аки лет 50 или мало к сим».¹⁴ Известно, что перевод книг Скорины был издан в Полоцке в 1517—1519 гг. На этом основании Е. В. Петухов заключил, что послания Курбского, появившиеся через 50 лет, были написаны около 1570 г.¹⁵

Из советских исследователей только Я. С. Лурье, издавший послания Грозного и составивший комментарии к ним, имел случай специально высказаться о письмах Курбского. Он не разделяет мнения Е. В. Петухова и считает, что первое послание в Псково-Печерский монастырь было написано Курбским до бегства в Литву в апреле 1564 г., два же других послания писались после бегства. В частности, последнее послание было составлено в эмиграции в 1564—1565 гг.¹⁶

Обстоятельную статью посланиям Курбского в Псково-Печерский монастырь посвятил английский исследователь Н. Е. Андреев.¹⁷ По его мнению, Курбский все свои послания старцу Васьяну написал из Юрьева в период между декабрем 1563 и апрелем 1564 г. Действительно, — замечает Андреев — в последнем из писем «Курбский пишет, что впервые познакомился с монахами Псково-Печерского монастыря 7 лет тому назад, т. е. во время приготовления к первой Ливонской кампании, которая открылась в январе 1558 г., когда он был одним из командиров русского сторожевого полка. Это значит, что три письма были написаны в течение последнего года, который Курбский провел в России, т. е., вероятно, между декабрем 1563 г. и апрелем 1564 г.»¹⁸

Русская армия проследовала мимо Псково-Печерского монастыря по пути в Ливонию около декабря 1557—января 1558 г.¹⁹ Если, как то пола-

¹³ Там же, стр. 540.

¹⁴ РИБ, т. XXXI, стр. 401—402.

¹⁵ Е. В. Петухов. 1) О некоторых исторических и литературных фактах, связанных с именем Успенского Псково-Печерского монастыря в XVI и XVII вв. — Труды X археологического съезда, ч. 1. Рига, 1899, стр. 261; 2) Русская литература, изд. 3-е. Пгр., 1916, стр. 183.

¹⁶ Я. С. Лурье. Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV. — В кн.: Послания Ивана Грозного, стр. 472—473, 533.

¹⁷ N. Andreyev. Kurbsky's Letters to Vas'yan Muromtsev. — The Slavonic and East European Review, vol. XXXIII, № 81 London, 1955. Отвергая датировку писем Курбского, предложенную Е. В. Петуховым, Н. Андреев упрекает советских исследователей в том, что они следуют этой датировке: «Петухов, и Лурье, и Масленникова, следуя его примеру, считают, что эти письма были написаны около 1570 г., т. е. из Литвы. Это предположение, однако, неверно» (там же, стр. 415). Как мы отметили выше, Я. С. Лурье, разбирая послания Курбского, вовсе не следовал примеру Е. В. Петухова. Интересно, что в предыдущей статье Н. Андреев выражал свой упрек в более осторожной форме: «Лурье сомневается в том, что все письма Курбского написаны после его бегства, но не предлагает никакой альтернативной теории» (N. Andreyev. The Pskov-Pechery Monastery in the 16th Century. — The Slavonic and East European Review, vol. XXXII, № 79. London, 1954, стр. 331, № 57). Н. Н. Масленникова имела возможность лишь мимоходом коснуться вопроса о посланиях Курбского (Н. Н. Масленникова. Идеологическая борьба в псковской литературе в период образования Русского централизованного государства. — ТОДРА, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 207).

¹⁸ N. Andreyev. Kurbsky's Letters..., стр. 415.

¹⁹ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2. СПб., 1906, стр. 286—287.

гает Н. Е. Андреев, третье послание было написано Васьяну семь лет спустя, то это произошло в декабре 1564—январе 1565 г., а никак не в декабре 1563 г.²⁰ Эта последняя дата основана на очевидном недоразумении.

По словам Курбского, после того как он впервые шел «в немцы» и видел объятых страхом псково-печерских монахов, он воевал в Ливонии «аки 7 лет беспрестанни». Но это утверждение нельзя понимать буквально хотя бы потому, что со времени первого похода Курбского в Ливонию и до бегства его в Литву прошло всего шесть с половиной лет.

Вывод Н. Е. Андреева о том, что все послания были написаны в период между декабрем 1563 и апрелем 1564 г., противоречит не только исходным посылкам автора, но и непосредственным указаниям источника.

Переписка между Курбским и старцем Псково-Печерского монастыря завязалась после того, как старец Васьян прислал юрьевскому воеводе церковные книги. За них Курбский благодарил Васьяна в своем первом послании к нему: «Книга, глаголемая Раиская, иже суть в божиих церквах, некая Раиская, от вашей святости к рукам моим пришла и некая уже от словес в неи смотрел есми».²¹

Во втором послании Курбский уведомил Васьяна о том, что получил от него ответную грамоту и что тогда же летом (I) к нему привезли из Псково-Печерского монастыря новые книги и какой-то денежный счет: «Писанеице твое, любовию помазанное, дошло до меня, а книгу и Герасимово житие и счет летом привезли же ко мне и много челом бью на блага твоих».²²

Все эти подробности, сохраненные Соловецким списком и крайне важные для точной датировки посланий Курбского, следует увязать с известными нам фактами биографии Курбского.

В марте 1563 г. Курбский получил назначение и вскоре выехал в Юрьев Ливонский. Поскольку дорога в Юрьев пролегалa через Псков и Псково-Печерский монастырь, то Курбский не мог миновать остановки в этих местах. Поэтому весьма вероятно, что проездом Курбский останавливался у псково-печерских старцев и вел с ними беседы. В это же время он занял у них деньги. По прибытии в Юрьев весной 1563 г. Курбский получил от старцев «Райскую» книгу и, очевидно, тогда же написал свое первое послание «некоему старцу» в Псково-Печерский монастырь: уже летом того же 1563 г. Курбский получил ответное послание старца Васьяна и денежный счет, который он немедленно оплатил.²³

Первое послание Васьяну было посвящено в основном вопросам церковной догматики. Курбский оспаривал подлинность апокрифического (так называемого пятого) Никодимова Евангелия, присланного ему среди других церковных книг старцем Васьяном.²⁴ Опасаясь, что критика церковных книг может быть использована в дальнейшем против него самого, Курбский предлагал Васьяну сжечь его послание: «Аще и бритостны ти строки сия явятся, и ты раздери и огню предаи их».²⁵ В краткой приписке, сделанной в самом конце послания, Курбский просил Васьяна о за-

²⁰ Мы остановились подробно только на одном, решающем аргументе Н. Е. Андреева. Другие аргументы (попытка Курбского занять у Васьяна деньги, будто бы нужные ему для побега; предполагаемое отсутствие сношений с Васьяном после побега и т. д.) имеют лишь относительное значение для точной датировки посланий (см.: N. Andreyev, *Kurb'sky's Letters...*, стр. 419).

²¹ РИБ, т. XXXI, стр. 377, прим. 4.

²² Там же, стр. 383, прим. 3.

²³ Позже Курбский напомнил об этом старцу Васьяну: «Имал был есми денги у вас и яз и заплатил» (РИБ, т. XXXI, стр. 405).

²⁴ РИБ, т. XXXI, стр. 379.

²⁵ Там же, стр. 380.

ступничестве и сетовал на постигшую его опалу. «И многажды много вам челом бую, — писал он, — помолитесь о мне окаянном, понеже паки напасти и беды от Вавилона на нас килети многи начинают».²⁶

Бесспорно, что под напастями и бедами «от Вавилона» Курбский подразумевал беды от царской власти, царскую опалу.

Согласно некоторым источникам (польские хроники), опала постигла Курбского еще летом 1562 г., после неудачного сражения под Невелем. Однако это известие лишено достоверности.

25 марта 1562 г. бояре князя И. И. Пронский и А. М. Курбский были посланы со «многими людьми» к литовской границе, в Великие Луки.²⁷ 28 мая из Великих Лук Курбский ходил к Витебску, «сжег посад и захватил в остроге всю артиллерию».²⁸ В свою очередь литовцы в августе напали на Невель и разорили его окрестности. На помощь невельским воеводам немедленно выступил Курбский. «И ходил за ними (литовцами, — Р. С.) князь Андрей Курбской и с ыными воеводами, — замечает псковский летописец, — и мала была помощь, с обеих сторон потерулися и языков наши взяли у них».²⁹

Официальная московская летопись вовсе не сообщила о стычке под Невелем. Но Грозный в своем послании Курбскому, написанном через два года, не преминул упрекнуть своего воеводу за неудачу под Невелем: «Како же убо под градом нашим Невлем: пятаюнадесять тысяч четырех тысяч не могосте победити, и не токмо убо победисте, но и сами от них язвени едва возвратишася, сим ничто же успевшу?».³⁰ Слова царя, что воеводы сами от литовцев «язвени» едва возвратились, объясняются очень просто: в стычке под Невелем Курбский был ранен. Согласно разрядам, в 1562 г. из Великих Лук «ходили воеводы в войну: князь Андрей Курбский да князь Федор Троекуров; одинова приходили литовские люди и Курбского ранили».³¹

Что касается сведений польских источников о «битве» под Невелем, то они крайне недостоверны. Польский хронист М. Бельский повествует, будто осенью 1563 г. (?) полторы тысячи поляков наголову разгромили под Невелем 40 тысяч русских; товарищ Курбского, упрекая его в проигранной битве, приписывал ему всю неудачу. Испугавшись гнева великого князя, Курбский будто бы и бежал в Литву.³²

После стычки под Невелем Курбский довольно быстро оправился от раны и в сентябре 1562 г. получил назначение командовать сторожевым полком в армии, выступившей к Полоцку.³³

Опала постигла Курбского позже, после падения Полоцка. Во время осады Полоцка он еще пользовался полным доверием царя и выполнял ответственные поручения. В ночь на 5 февраля 1563 г. Курбский руководил установкой туров против полоцкого острога.³⁴ 11 февраля по приказу

²⁶ Там же, стр. 381.

²⁷ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 340—341.

²⁸ Там же.

²⁹ Псковские летописи, т. I. Под ред. А. Н. Насонова М.—Л., 1955, стр. 243.

³⁰ Послания Ивана Грозного, стр. 56

³¹ Разрядная книга 1375—1605 гг.: ГПБ, собр. Эрмитажное, д. 390 (далее: Разряды), л. 285. Приняшу глубокую благодарность Д. Н. Альшицу за любезное разрешение ознакомиться с машинописной копией этого списка разрядной книги.

³² Н. Устрялов. Сказания князя Курбского, изд. 2-е. СПб., 1842, стр. XV—XVII. Как отметил еще А. Н. Ясинский, бой под Невелем никак не мог повлиять на решение Курбского бежать в Литву (А. Н. Ясинский Сочинения князя Курбского как исторический материал. Киев, 1889, стр. 63—65)

³³ Разрядная книга Полоцкого похода царя Иоанна Васильевича 1563 г. — Витебская старина, т. IV. Витебск, 1885, стр. 27, Разряды, л. 289 об.

³⁴ Разряды, лл. 292—293.

царя вместе с П Зайцевым он занял туры, выставленные накануне у стен крепости.³⁵ По взятии Полоцка Курбский сопровождал Грозного до Великих Лук. 7 марта на смотре в Великих Луках Курбский получил назначение в Юрьев Ливонский «на год» с вербного воскресенья³⁶ (В 1563 г этот день приходился на 3 апреля). Вместе с Курбским в Юрьев были посланы воевода князь М. Ф. Прозоровский (зять Курбского), воеводы князь А. Д. Дашков, М. А. Карпов, Г. П. Сабуров.³⁷ Назначение Курбского в Юрьев после победоносного похода на Полоцк явилось, без сомнения, следствием царской опалы. Таким образом, весной 1563 г. Курбский имел все основания жаловаться своему духовному отцу Васьяну на «напасти и беды от Вавилона», т. е. от царской власти.

Разрыв Курбского с царем был обусловлен многими обстоятельствами, в частности земельным законодательством о княжеских вотчинах (1562 г.), ограничившим родовое землевладение ярославских князей, и в особенности постепенно усилившимися репрессиями против княжеско-боярской оппозиции и т. д. В 1563 г. репрессии непосредственно затронули Ярославский княжеский род. Курбский рассказывает о том, что на пути к Полоцку, во время остановки в Невеле, Грозный казнил князя Ивана Шаховского-Ярославского.³⁸ По разрядам можно установить, что царь был в Невеле 19—20 января 1563 г.³⁹ Через два месяца в опале оказался Курбский. За 2 дня до смотра в Великих Луках, 5 марта 1563 г., боярин М. Я. Морозов и другие смоленские воеводы сообщили царю об измене стародубских воевод. «Прислал к ним, — писали воеводы, — казачей атаман Олексей Тухачевский литвина Курняка Созонова, а взяли его за пяти верст от Мстиславля, и Курьянко сказал: король в Польше, а Зиновьевич пошел к Стародубу в чистой понедельник, и с ним литовские люди из Мстиславля, из Могилева, из Пропойска, из Кричева, из Радомля, из Чичерска, из Гоим, а пошел по ссылке Стародубского наместника — хотят город сдать».⁴⁰

По приказу царя стародубские воеводы князь В Фуников и И Шишкин-Ольгов были немедленно арестованы и отосланы в Москву. После сыска И. Шишкин, близкий родственник А. Адашева, был казнен. Видимо, вслед за тем казни подверглись и другие родственники А. Адашева: Данила Адашев с сыном и его тесть П. Туров, Федор, Алексей и Андрей Сатины.⁴¹ Курбский сообщает, что виделся с П. Туровым за месяц до казни последнего в Москве. Во время этого свидания Туров достоверно рассказал ему «видение», предвещавшее ему мученическую смерть.⁴²

Последовавшие за изменой И. Шишкина репрессии явились, кажется, переломным моментом и в судьбе Курбского. Уже 7 марта последний получил назначение на воеводство в Юрьев. Царь Иван IV рассматривал

³⁵ Там же, л 295 об

³⁶ Витебская старина, т IV стр 66 Под начальством юрьевских воевод находилось 355 детей боярских из Новгорода и 110 детей боярских из Юрьева (там же, стр 66—67)

³⁷ Разряды, л 300

³⁸ РИБ, т XXXI, стр 284—285

³⁹ Витебская старина, т IV, стр 47

⁴⁰ Там же стр 65

⁴¹ Сообщив о казни И Шишкина, «мужа во истину праведного и зело разумного», князь Курбский рассказывает затем о казнях других родственников А Адашева поясняя, что они погибли через 2 или 3 года после начала «великих гонений» (1560—1561 гг) (РИБ, т XXXI, стр 278)

⁴² РИБ, т XXXI, стр 278 После смотра в Великих Луках 7 марта Курбский не сразу выехал в Ливонию, так как срок его воеводства в Юрьеве начинался 3 апреля В марте он, видимо, и заезжал в Москву (за семьей) и там виделся с Туровым

ссылку на воеводство в Юрьев как наказание Курбскому за его «согласие» с «изменниками»: «Зла же и гонения безлепа от меня не приял еси и бед и напастей на тебя не подвигли есми; а кое и наказание малое бывало на тебя и то за твое преступление, понеже согласился еси с нашими изменники». ⁴³

*

Будучи в Юрьеве, Курбский получил летом 1563 г. грамоту от старца Васьяна и позже ответил на нее. В начале своего второго послания он уведомляя своего адресата, что получил его «писаньице, помазанное любовью», новые книги (Герасимово Житие), а также заемный счет. Васьян не разделял сомнений Курбского в подлинности Никодимова (пятого) Евангелия, и поэтому Курбский во втором послании высказал новые аргументы в пользу своей точки зрения. (Сам автор называл позже свое второе послание Васьяну «вторым посланьицем против всего пятого евангелия»). ⁴⁴

Ничто во втором послании не указывало на резкую перемену во внешнем положении его автора. Нельзя поэтому согласиться с Я. С. Лурье, который считает, что Курбский написал свое второе послание Васьяну после бегства из России. Второе послание было простым продолжением возникшей ранее переписки. Находясь в Юрьеве, Курбский получал от старцев книги, полемизировал с ними по догматическим вопросам, наконец, оплатил денежные счета, присланные ему монахами летом 1563 г. Во втором послании Курбский отстаивал официальную теорию «Москва — третий Рим». И это свидетельствует в пользу того, что послание было написано еще в бытность Курбского в России.

Второе послание Курбского тесно примыкает к первому и в то же время сильно отличается по тону и содержанию от третьего послания Васьяну, написанного из эмиграции. ⁴⁵ Второе послание было написано Курбским после лета 1563 г., но, как мы полагаем, до побега в Литву в апреле 1564 г.

В начале послания Курбский писал, что за грехи погибли древние царства, погиб Рим, и Русь стала единственным оплотом православия ⁴⁶ Но и на Руси дьявол начинает производить «смущение»: только его кознями можно объяснить действия «державных» правителей Руси. Бросая дерзкий вызов Грозному, Курбский утверждал, что правители России уподобились свирепым кровожадным зверям «Державные, — писал он, — призванные на власть от бога поставлены, да судом праведным подвластных разсудят и в кротости и в милости державу управят, и грех ради наших вместо кротости свирепее зверей кровоядцев обретаются, яко ни от естества подобно пощадети попустиша, неслыханные смерти и муки на добротных своих умыслиша» ⁴⁷

Чтобы понять слова Курбского, надо вспомнить о том, что как раз в период написания второго послания (лето 1563—апрель 1564 г.) по приказу царя были казнены некоторые из членов Боярской думы.

⁴³ Послания Ивана Грозного, стр 54

⁴⁴ РИБ, т XXXI, стр 410

⁴⁵ Анализ состава древнейших сборников, содержащих сочинения Курбского, обнаруживает деление посланий на две группы к одной группе принадлежат первые два послания Васьяну, к другой — третье послание и окружающие его документы записка в Юрьев, послание царю из Вольмара, ответ царя (см ниже)

⁴⁶ РИБ, т XXXI, стр 393

⁴⁷ Там же, стр 395

В первом послании Грозному Курбский писал, что кровью своих воевод царь обагрил церкви⁴⁸ Согласно «Истории о великом князе Московском», в церкви были убиты бояре князя М. Репнин-Оболенский и Ю. Кашин-Оболенский⁴⁹ По родословцам, князь Ю. Кашин погиб 31 января 1564 г.⁵⁰ Той же ночью был казнен, очевидно, и князь М. Репнин.

Казнь княжат Оболенских знаменовала собой окончательный поворот в политике Грозного, поворот к суровым репрессиям против княжеско-боярской оппозиции в России⁵¹ Первые после ликвидации боярского правления и воцарения Ивана IV смертной казни подверглись лица, входившие в состав высшего феодально-аристократического органа России — Боярской думы и принадлежавшие к правящей верхушке господствующего класса. Казни бояр Оболенских вызвали крайне резкое недовольство среди феодальной знати.

Выше мы писали, что второе послание Васьяну было написано Курбским не ранее лета 1563 г. и не позднее апреля 1564 г. Обвинение Курбским царя в кровожадности заставляет предположить, что послание писалось под непосредственным впечатлением политических казней 31 января 1564 г., т. е. в период между февралем и апрелем 1564 г.

Репрессии, проведенные правительством в январе 1564 г., вызвали сильное осуждение не только со стороны феодальной знати, но и со стороны высшего духовенства, тесно связанного с боярскими группировками. Митрополит Макарий, возглавлявший русскую церковь на протяжении многих лет, неизменно стремился предотвратить открытое столкновение между царем и оппозиционным боярством. Яркий приверженец сильной центральной власти и один из носителей официальной теории самодержавия, Макарий отнюдь не был сторонником решительного подавления княжеско-боярской оппозиции. Так, Макарий просил о помиловании боярина князя С. В. Ростовского в 1554 г., ходатайствовал перед царем о разрешении Сильвестру и Адашеву прибыть на собор, созванный для суда над ними в 1560 г. Наконец, он добился примирения царя с удельными князьями И. Д. Бельским в 1562 г. и В. А. Старицким в 1563 г.⁵²

После смерти Макария (31 декабря 1563 г.) митрополичий престол оставался незанятым в течение двух месяцев. И именно этот момент был избран правительством для нанесения удара по оппозиции. Без совета с высшим духовенством и Боярской думой Грозный приказал казнить бояр князей Ю. Кашина-Оболенского и М. Репнина-Оболенского «Законопреступные» репрессии возбудили сильное недовольство среди высшего духовенства, и царь вынужден был считаться с этим фактом. Подготавливая почву для компромисса, Грозный решил предоставить главе церкви ряд почетных привилегий. Для этой цели в феврале 1564 г. в Москве был со-

⁴⁸ Там же, стр. 1—2

⁴⁹ Там же, стр. 278—279

⁵⁰ Г. А. Власьев. Потомство Рюрика, т. I, ч. 2. СПб., 1906, стр. 499—500. См. также А. А. Зимин. Состав Боярской думы в XV—XVI веках — Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958, стр. 67.

⁵¹ Непосредственным толчком к началу суровых политических репрессий против княжеско-боярской оппозиции послужило известие о разгроме русских войск литовцами под Улой 26 января 1564 г. Причиной поражения явилась небрежность бояр-воевод. Известия о поражении дошли в Москву не позже 30—31 января 1564 г. (ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 377—378).

⁵² Митрополиты издавна пользовались правом «советывания» перед царем. В грамоте о поставлении на митрополию Филиппа Кольчева значилось: «игумен Филипп митрополье не отставивал, а советовав бы с царем с великим князем, как прежние митрополиты советовали с отцом его великим князем Василием и з дедом его великим князем Иваном» (Приговор 20 июля 1566 г. СГГД, ч. 1, М., 1813, № 193, стр. 557).

зван «священный собор», на котором еще до избрания нового митрополита рассматривался вопрос о так называемом «белом клобуке». В речи к собору царь Иван IV предложил учинить новому митрополиту, который займет место Макария, «древнюю почесть», а именно «тому митрополиту носить белой клобук с рясами с херувимом» и «печатати грамоты благословенные и посылные красным воском». ⁵³ Царь указал, что первые московские митрополиты Петр и Алексей носили «белый клобук» и что ему неизвестны «писания», объясняющие, почему теперь такой привилегией пользуются только новгородские архиепископы. Если сейчас митрополит наравне с прочими владыками носит черный клобук, то в этом «сего высокопрестольной степени перед архиепископы и епископы почести нет». ⁵⁴

По представлению царя священный собор и Боярская дума 9 февраля 1564 г. одобрили уложение о «белом клобуке». ⁵⁵ Соборная грамота была скреплена подписями 3 архиепископов и 6 епископов. ⁵⁶

Приговор о «белом клобуке» способствовал достижению компромисса между царем и церковью. Этот приговор должен был не только укрепить авторитет главы русской церкви, но и привлечь на сторону царя нового митрополита в обстановке той сложной и острой политической борьбы, которая развернулась в начале 1564 г.

Избрание нового митрополита представило большие трудности и поэтому затянулось на целый месяц. Только 24 февраля на митрополичий двор был «возведен» бывший благовецкий протопоп и духовник царя Андрей, принявший после пострижения в Чудовом монастыре имя Афанасия. 5 марта состоялась церемония поставления Афанасия на митрополию. Царь торжественно вручил новому митрополиту его посох и произнес речь, начинавшуюся с указания на божественное происхождение царской власти. «Всемогущая и животворящая святая троица, дарующая нам всеа Россия самодержжество Российского царства» и т. д. ⁵⁷

При избрании нового митрополита царь пожаловал ему широкие имущественные привилегии и освободил митрополичьих крестьян и монастыри от разных повинностей. ⁵⁸ Все эти привилегии, из которых митрополичья казна должна была извлечь для себя большие выгоды, должны были упрочить согласие между царем и главой церкви.

Компромисс вызвал резкий протест со стороны оппозиции, свидетельством чему явилось послание Курбского Васьяну, написанное как раз между февралем и апрелем 1564 г. В этом послании Курбский прямо обвинял «осифлянских» иерархов церкви в том, что они подкуплены богатствами. Богатства, по его словам, превратили святителей в послушных угодников властей: «...каждо своим богатством промышает и, обнявши

⁵³ ПСРЛ, т XIII, ч 2, стр 378

⁵⁴ Там же

⁵⁵ Там же В «Актах исторических» (т I, СПб, 1841, № 173, стр 333) Соборная грамота ошибочно датирована 2 февраля 1564 г. Более исправный текст напечатан в летописях (ПСРЛ, т XIII, ч 2, стр 378) Разработка уложения о «белом клобуке» началась, конечно, ранее февраля 1564 г., но это не меняет существенным образом оценки приговора Подготовляя репрессии против оппозиции, правительство не могло оставить без внимания настроения высшего духовенства и старалось привлечь на свою сторону митрополита предоставлением ему новой почетной привилегии

⁵⁶ Уложение о «белом клобуке» не носило характера специальной антиновгородской меры Новгородские архиепископы не были лишены «древней почести», и привилегия была лишь распространена на митрополита Новгородский архиепископ Пимен, неизменно пользовавшийся расположением царя, был первым из иерархов, поставивших подпись под Соборным приговором 9 февраля 1564 г

⁵⁷ ПСРЛ, т XIII, ч 2, стр 381

⁵⁸ СГГД, ч 2 М, 1819, стр 153—155

его персты, лежат и ко властем ласкающесе всячески и примиряющися, да свое сохранят и к тем еще множайшее приобрящут»⁵⁹

Курбский рисует яркую картину упадка церкви, управляемой монахами-стяжателями, «осифлянами». Священнический чин — пишет он — «не токмо расхищают, но учителя расхитителем бывают, начало и образ всякому законопреступлению собою полагают, не глаголют пред цари, не стыдятся о свидении господни, но паче потаковники бывают села себе устроят и великие храмины поставляют и богатствы многими кипят, и корыстми, яко благочестием, ся украшают»⁶⁰

В России — продолжал Курбский — разгорелся лютый пожар, который никто не может погасить «« яко же пожару люту возгоревшуся на лице всея земли нашея, и премножество домов зрим от пламени бедных напасти искореневаеми. И хто текше от таковых отъимет? И хто угасит и хто братию от таковых отъимет? И хто угасит и кто братию от таковых и толь лютыи бед избавит? Никто же! Воистинну не заступающаго ни помогающаго несть, разве господа»⁶¹ Этот упрек относился прежде всего к духовенству.

В России — писал Курбский — нет святителей, которые бы обличили царя в его законопреступных делах и «возревновали» о пролитой крови «...где убо хто возпрети царю или властям о законопреступных и запрети благовременных и безвременно? Где Илия, о Нафееве крови возревновавый, и ста царю в лице обличением, где Елисее, посрамивый царя и Израилева сына Ахавова? Где лики пророков обличающии неправедных царей?». ⁶² Здесь мы находим прямой намек на недавние казни бояр.

Курбский горько сетовал на то, что в стране нет патриархов (митрополита³) и «боговидных святителей», которые бы решились открыто обличить царя. В том же послании Васьяну он писал: «Где ныне патриархов лики и боговидных святителей и множество преподобных ревнующе по бозе, и нестыдно обличающих неправедных цареи и властелии в различных их законопреступных делех ... Кто ныне не стыдятся словеса евангельская глаголет и кто по братии души свои полагают? Аз не вем кто»⁶³

Так Курбский оценивал компромисс, заключенный между правительством и церковью в феврале—марте 1564 г. Не без основания Курбский рассчитывал на то, что его критика иосифлянской церкви найдет сочувствие у старца Васьяна и других монахов Псково-Печерского монастыря, поскольку в течение длительного времени этот монастырь был цитаделью «нестяжателей», противников «осифлян». Монастырь, писал позже Курбский, был «воздвигнут» трудами игумена Корнилия и в нем совершались чудеса, «поколь было именови к монастырю тому не взято и нестяжательно мниси пребывали».⁶⁴ Интересно, что сам Курбский считал себя учеником близкого к «нестяжателям» Максима Грека.

Своей критикой «осифлян» Курбский желал побудить старцев влиятельного Псково-Печерского монастыря открыто осудить «законопреступные» репрессии Грозного. Как мы покажем ниже, ему это не удалось

⁵⁹ РИБ, т XXXI стр 397

⁶⁰ Там же стр 395—396

⁶¹ Там же стр 396—397 Под пожаром Курбский подразумевал репрессии против княжеско-боярской оппозиции В своей «Истории» он писал «Скоро по Алексееве смерти и по Селивестрову изгнанию воскурилось гонение великое и пожар лютости в земле Руской возгорелся» (там же, стр 276)

⁶² РИБ, т XXXI, стр 396, прим 14—17.

⁶³ РИБ, т XXXI, стр 396

⁶⁴ Там же, стр 320—321 Корнилий управлял монастырем в 1529—1570 гг (Н Н Масленникова Идеологическая борьба в псковской литературе , стр 206)

Курбский надеялся на то, что Псково-Печерский монастырь возьмет на себя инициативу антиправительственного выступления и возглавит церковную оппозицию в России.⁶⁵

Расчеты Курбского, кажется, не были беспочвенны: по некоторым сведениям, через несколько месяцев после бегства Курбского церковная оппозиция, возглавленная самим митрополитом, заявила царю решительный протест против политических репрессий.

По рассказу А. Шлихтинга, когда примерно за полгода до учреждения опричнины, т. е. летом 1564 г., царь приказал казнить князя Д. Овчину-Оболенского, «некоторые знатные лица и вместе верховный священнослужитель сочли нужным для себя вразумить тирана воздерживаться от столь жестокого пролития крови своих подданных невинно без всякой причины и проступка».⁶⁶

Послания Курбского, написанные как в самой России, так и позже, в эмиграции, бесспорно повлияли на развитие политических событий своего времени. Недаром, и Курбский, и его идейный противник Грозный, как справедливо отметил Я. С. Лурье, предназначали свои послания для «всего Российского царства».⁶⁷

Второе послание Курбского в Псково-Печерский монастырь интересно как едва ли не единственный документ, открыто излагавший политическую программу княжеско-боярской оппозиции в России накануне опричнины. Особенностью этой программы были резкие нападки на действия «державного» царя Ивана IV и его правительства («властелей»), обвинявшихся во всех бедах, постигших Русское царство: произволе и беззаконии в судах, оскудении дворянства, притеснениях «купеческого» чина и земледельцев. «О нерадении же державы, — писал Курбский, — и кривине суда и о несытстве граблений чюжих имени ни изрещи риторскими языки сея днешняя беды возможно».⁶⁸

Мрачными красками Курбский рисует картину полного упадка и оскудения дворянства: «Воинской же чин строев ныне хуеишии строев обретеся, яко многим не имети не токмо коней, ко бранем уготовленых, или оружия ратных, но и дневных пищи, их же недостатки и убожества и бед их смущения всяко словество превзыде».⁶⁹

⁶⁵ Н. Андреев категорически отвергает мнение Я. С. Лурье, будто Курбский в своем втором послании энергично побуждал старцев Псково-Печерского монастыря «претить» (возражать) «царю или властелям о законопреступных». Он пишет: «Мнение Лурье, что послания Курбского в Россию, в которых он не только не колебался компрометирует старцев монастыря, которые были подданными великого князя, но и энергично поощряет их сделать представление царю и тем, кто находится под его властью, если они будут нарушать законы, — что эти письма были частью пропагандистской кампании, проводимой Курбским вместе с другими эмигрантами в пределах Московии, — это предположение неуместно и необосновано и скорее это идея XX в., нежели XVI в.» (N. Andreyev, Kurbsky's Letters..., стр. 417). Однако Н. Андреев не подкрепляет свой резкий упрек какими-нибудь фактическими доказательствами. Не разделяя предположения Я. С. Лурье, будто второе послание было написано Курбским в эмиграции, мы полностью поддерживаем его вывод о том, что послание писалось с целью побудить власти влиятельного Псково-Печерского монастыря к протесту против «законопреступлений» царя.

⁶⁶ А. Шлихтинг. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л., 1934, стр. 17—18. Лифляндский дворянин А. Шлихтинг попал в плен к русским в конце 1564 г. Позже он состоял слугой и переводчиком при А. Лензее, личном враче Грозного (см. «Введение» А. Малеина к «Новому известию о России» А. Шлихтинга, стр. 4). Общая осведомленность Шлихтинга не подлежит сомнению.

⁶⁷ Я. С. Лурье. Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV, стр. 473.

⁶⁸ РИБ, т. XXXI, стр. 395.

⁶⁹ Там же, стр. 398.

Продолжая традиции своего учителя Максима Грека, Курбский пишет о бедственном положении купцов и земледельцев, задавленных безмерными податями: «Купецкий же чин и земледелец все днесь узрим, како стражут, безмерными данми продаваеми и от немилостивых приставов влачими и без милосердия биeми, и овы дани вземше ины взимающе, о иных посылающе и иныя умышляюще».⁷⁰

Замечание Курбского об ужасном положении крестьян, как отметил Н. Е. Андреев, необычно для представителя XVI в., но эта «гуманная тенденция» не повторяется в других письмах того же автора, написанных им после побега.⁷¹ Она не повторяется вообще ни в одном из многочисленных произведений Курбского. Описав бедствия сословий, Курбский продолжал: «Таковых ради неистерпимых мук овым без вести бегуном ото отечества быти; овым любезныя дети своя, исчадия чрева своего, в вечныя работы продаваеми; и овым своими руками смерти себе умышляти».⁷²

Осторожный намек, оправдание измены «нестерпимыми муками» подтверждает тот факт, что ко времени составления своего второго послания Васьяну Курбский уже принял решение бежать в Литву.⁷³ Это обстоятельство объясняет нам как крайне резкий антиправительственный характер высказываний Курбского, так и то, что его послание не было отправлено в Псково-Печерский монастырь до бегства его автора в Литву.

Срок службы Курбского и его товарищей в Ливонии истек 3 апреля 1564 г. На смену им в Юрьев были назначены наместник боярин М. Я. Морозов и воеводы Ф. И. Бутурлин, М. Д. Морозов, Н. В. Борисов и князь И. А. Звенигородский.⁷⁴ К началу апреля в Юрьев приехали только «меньшие воеводы». Новый наместник М. Я. Морозов, переведенный в Юрьев из Смоленска, прибыл на службу с запозданием. Князь А. М. Курбский по неизвестным причинам оставался в Юрьеве в течение всего апреля.

30 апреля воевода Ф. И. Бутурлин известил царя о побеге боярина князя А. М. Курбского в Ливонию. Вместе с Курбским бежали служившие ему дети боярские С. М. Вешняков, Г. Кайсаров, М. Невклюдов, И. Н. Тараканов и др., всего 12 человек.⁷⁵ Бывший наместник Ливонии бежал за границу с крайней поспешностью: он оставил в Юрьеве жену и сына, бросил имущество, книги, бумаги и даже воинские доспехи, которые могли обременить его в пути.

Причиной такой спешки была весть о царской опале, тайно полученная Курбским из Москвы.⁷⁶

Царь не скрывал того, что Курбскому грозило наказание. Своим го-лцам в Литве он велел следующим образом объяснить причины бегства Курбского: «...учал государю нашему Курбский делати изменные дела, и государь был хотел его наказати, и он, узнав свои изменные дела, и государю нашему изменил».⁷⁷

⁷⁰ Там же, стр. 39.

⁷¹ N. Andreyev, Kurbsky's Letters..., стр. 432.

⁷² РИБ, т. XXXI, стр. 398.

⁷³ Если бы Курбский писал свое послание из эмиграции, ему не пришлось бы прибегать к столь осторожным намекам.

⁷⁴ Разряды, л. 306.

⁷⁵ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 382; Жизнь кн. А. М. Курбского в Литве и на Волыни, т. I Киев, 1849, стр. IV.

⁷⁶ Послания Ивана Грозного, стр. 10. «Аще ли же убоялся еси ложнаго на тыя речения смертнаго, от твоих друзей, сатанинских слуг, злодейственному солганию» и т. д. (там же, стр. 12).

⁷⁷ Наказ составлен около ноября 1565 г. (Сборник Русского исторического общества, т. 71 СПб., 1892, стр. 321)

Грозный категорически отвергал мысль, будто Курбскому угрожала смертная казнь. Сам Курбский также первоначально не придерживался этой версии. Он ни словом не упоминает об этом в своем первом послании царю, написанном на другой день после бегства.⁷⁸

Позже, в 1572 г., Грозный откровенно признался польскому послу Ф. З. Воропаю, что намерен был «убавить» Курбскому «почестей» и отобрать у него «места», т. е. земельные владения.⁷⁹

Но Грозный ошибался, утверждая в одном из своих посланий, будто Курбский изменил «единого ради малого слова гнева».⁸⁰ Ошибка объясняется тем, что царь ничего не знал об изменнических переговорах Курбского с литовцами, начавшихся задолго до его бегства из России.

Обстоятельства секретных переговоров Курбского с литовским правительством, ведшим войну с Россией, раскрылись в 80-х годах XVI в., когда наследники беглого боярина во время одной поземельной тяжбы представили литовскому суду ряд королевских грамот.

Как следовало из этих документов, во время пребывания на воеводстве в Юрьеве Курбский получил тайные грамоты («закрытые листы») от короля Сигизмунда-Августа и руководителей Литовской рады гетмана Радзивила и Е. Воловича с предложением выехать в Литву. Ответив согласием, русский наместник Ливонии потребовал от литовского правительства охранных грамот, которые бы гарантировали ему достаточное содержание в Литве, и вскоре же получил их. Гетман Радзивил обещал боярину «приличное содержание» в Литве, король сулил ему свою милость.⁸¹

Трудно определить, когда именно Курбский принял решение о бегстве в Литву. Н. Е. Андреев полагает, что это произошло в течение последнего года, проведенного боярином в Юрьеве. Курбский, пишет Н. Е. Андреев, продолжал заниматься государственными делами, порученными ему, вел переговоры с ливонскими рыцарями о сдаче различных крепостей; он читал и писал, но все это время он, должно быть, ожидал охранной грамоты из Польши.⁸²

На наш взгляд, сношения Курбского с Литвой начались не ранее начала 1564 г. Об этом говорят его переговоры с графом Арцем осенью 1563 г.

Ливонский хронист Ф. Ниенштедт, живший в Юрьеве в 50—60-х годах XVI в., рассказывает, что граф фон Арц, наместник шведского герцога Юхана III в Ливонии, тайно предложил Курбскому сдать русскому царю замок Гельмет. Однако заговор был раскрыт, граф Арц схвачен шведскими дворянами и казнен в Риге в конце 1563 г. Курбский, прибывший к стенам Гельмета, был встречен выстрелами. Разгневанный таким исходом дела, он будто бы воскликнул: «Пока жив великий князь, такое

⁷⁸ «Коего зла и гонения от тебе не претерпех! — писал Курбский царю, — и коих бед и напастей на мя не подвигл еси! и коих лжей и измен на мя не взвел еси!.. всего лишен бых и от земли божиин тобою туне отогнан был» (Послание царю из Вольмара: РИБ, т. XXXIII, стр. 3). В этих длинных жалобах Курбского нет все же ни слова об угрожавшей ему смертной казни.

⁷⁹ М. Петровский. Рец. на «Сказания кн. А. Курбского» (изд. 3-е Н. Устрялова, СПб., 1868). — Известия Казанского университета. Казань, 1873, кн. 4, стр. 728.

⁸⁰ Послания Ивана Грозного, стр. 13.

⁸¹ Жизнь кн. А. М. Курбского в Литве и на Воляни, т. II. Киев, 1849, стр. 193. В духовном завещании Курбский писал, что приехал в Литву, «будучи обнадежен его королевскою милостию, получив королевскую охранительную грамоту и положившись на присягу их милостей, панов сенаторов» (там же, т. I, стр. 233, духовная 10 июня 1581 г.).

⁸² N. A n d r e e v. Kurbsky's Letters. . . , стр. 427—428.

вероломство не останется безнаказанным. Ведь они сами вступили в переговоры, за своим рукоприкладством и печатью!».⁸³

Если признать, что уже в это время Курбский вел тайные переговоры с польским королем Сигизмундом-Августом, то причины гибели графа Арца предстанут в совершенно ином свете. Однако такое предположение является маловероятным.

В переговоры с литовским правительством Курбский вступил скорее всего в последние месяцы пребывания в Юрьеве, в феврале—апреле 1564 г.⁸⁴ Как раз в это время он осторожно намекнул в послании Васьяну, что из-за гонений некоторым людям приходится бежать из отечества. Обстоятельства, изложенные выше, заставляют прямо предполагать, что к моменту написания послания Васьяну Курбский не только помышлял об отъезде из России, но и вел тайные переговоры с королем. Толкая старцев на открытое выступление против царя, Курбский сам тайно готовился бежать за границу.

Третье послание не было простым продолжением переписки, ранее завязавшейся между Курбским и Васьяном. Прежде всего оно значительно отличалось от предшествующих посланий по своему содержанию. Если в первых посланиях большое место отводилось догматическим вопросам, то в последнем они совершенно игнорировались.

По своей структуре и содержанию третье послание Курбского в Псково-Печерский монастырь сходно с его же посланием царю из Вольмара. Оба эти послания настолько близки текстологически, что не остается сомнений в том, что они писались под влиянием одних и тех же событий в одно и то же время. Заключительные тирады Курбского в двух посланиях производят впечатление перефразировки одного и того же текста.⁸⁵

Третье послание старцу
Васьяну

Послание царю из Вольмара
(май—июнь 1564 г.)

Бог судитель праведны и крепки между вами и мною: и аще ко вратом смертным приближуся, и сие писанеице велю себе в руку вложити, идущу с ним к неумытному судии, к ... Иисусу.⁸⁶

И о сем, даже до сих, писание сие, слезами измоченное, во гроб со собою повелю вложити, грядуще с тобою на суд бога моего, Иисуса Христа.⁸⁷

В каждом случае Курбский в совершенно одинаковых выражениях повествует о своих воинских заслугах:

Колико трудихся, вхождах и исхождах пред полки господскими... и иногда же бегуном быв, но паче одоле-

Пред войском твоим хождах и исхождах, и никоего же тебе бесчестия приведох, но только победы пре-

⁸³ Ф. Ниенштедт. Ливонская летопись. — Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, т. 4. Рига, 1883, стр. 34—36. Рассказ Ниенштедта подтверждается в основных чертах свидетельством другого современника — ливонского хрониста Рюссова (Ливонская хроника Рюссова. — Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, т. 3. Рига, 1880, стр. 147—148). Без всякого на то основания А. Н. Ясинский считал, что имснно неудачное Гельметское дело и навлекло на Курбского гнев царя и подозрение в измене (А. Н. Ясинский и. Сочинения князя Курбского как исторический материал, стр. 70—71).

⁸⁴ Для того чтобы получить грамоту из Литвы от короля, ответить на нее, затребовать новую грамоту и получить ее из-за рубежа, требовалось значительное время, учитывая в особенности тогдашние средства передвижения.

⁸⁵ Текстуральную близость этих двух посланий отметил Я. С. Лурье (Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV, стр. 473)

⁸⁶ РИБ, т. XXXI, стр. 408—409.

⁸⁷ Там же, стр. 6.

ния пресветла Христовою силою поставлях, и колико бед претерпевах, и нужд телесных и учащение ран!⁸⁸

светлы, помощию ангела господня, во славу твою поставлях и никогда же полков твоих хребтом к чуждим обратих; щен бых ранами от варварских рук на похвалу тебе сотворях... паче же учащен бых ранами от варварских рук на различных битвах, и сокрушенно уже язвами все тело имею.⁸⁹

Близость двух посланий позволяет утверждать, что оба они были написаны в одно и то же время, т. е. после побега их автора из России и прибытия в Вольмар в мае—июне 1564 г.⁹⁰

В третьем послании Васьяну Курбский горько жаловался на то, что не только не нашел помощи и заступничества у архиереев, владык и у «вашего чина преподобия» (т. е. у псково-печерского старца), но и стал жертвой наветов со стороны некоторых из них: «Многажды в бедах своих ко архиереем и ко святителем и к вашего чина преподобию со умиленными глаголы и со слезным рыданием припадах и валяхся пред ногами их, и землю слезами омаках,—и ни малые помощи ни утешения бедам своим от них получих, но вместо заступления некоторые от них потокавники их, кровем нашим наострители явишася. Но и се еще мало им возбнишася: еще же к сему приложиша, яко и от бога православных не устыдешася очюждати и еретики прозывати, и различными латинными шептанием во ухо державному клеветати».⁹¹

Надежды Курбского на поддержку старцев влиятельного Псково-Печерского монастыря не оправдались. Если в первых посланиях Курбский просил Васьяна помолиться за него и выражал надежду на то, что будет исцелен «ваших (старцев,—Р. С.) рук духовным врачеством», то в последнем послании, отбросив все условности, он гневно упрекал старцев за то, что они не пожелали заступиться за него перед царем, несмотря на все его просьбы.⁹²

В своем третьем послании Васьяну Курбский упоминает о том, что он посылал к старцам Псково-Печерского монастыря своего слугу, прося старцев предоставить ему денежную ссуду.⁹³ Однако старцы не только категорически отказались ссудить Курбскому деньги, но и поспешили прервать всякие сношения с «государевым изменником».⁹⁴

⁸⁸ Там же, стр. 408.

⁸⁹ Там же, стр. 4.

⁹⁰ Свое послание царю Курбский написал не ранее мая и не позднее июня 1564 г., поскольку ответ царя датирован 5 июля. В то же самое время Курбский написал свое третье послание Васьяну. Таким образом, в древних рукописных сборниках XVII в. отложился документ одного и того же периода: записка Курбского в Юрьев, его письма к Васьяну и к царю (из Вольмара), послание Тетерина боярину М. Я. Морозову в Юрьев, послание А. Полубенского в Юрьев, первое послание царя Курбскому. Все эти документы были, по-видимому, составлены в период между 30 апреля (дата побега Курбского в Литву) и 5 июля 1564 г. (дата составления ответа царя на послание Курбского). Послание М. Тетерина М. Я. Морозову не выпадает из этих хронологических рамок. Тетерин писал боярину Морозову, что тот был наместником в Смоленске пять лет, «а ныне тебя государь даровал наместничеством юрьевским» (РИБ, т. XXXI, стр. 490). Морозов пробыл в Смоленске с 1561 по 1564 г. и был «пожалован» юрьевским наместничеством около мая 1564 г. Отсюда можно заключить, что свое послание Морозову Тетерин написал вскоре после мая 1564 г.

⁹¹ РИБ, т. XXXI, стр. 406—407.

⁹² Там же, стр. 401, 406.

⁹³ «Посылаю есмь к игумену и к вам человека своего бити челом о потребных животу и для недостоинства моего от вас презрен бых» (РИБ, т. XXXI, стр. 405).

⁹⁴ «Не токмо естя нас предали и отчаяли, но и милости естя своя, обычныя язычникам и мытарем, не сотворили: имущи у себя, что подати, а утробу свою затворили есте; еще же и взаимы прошинно и пакн возвращено быти хотящася» (РИБ, т. XXXI, стр. 409—410).

Любопытно, что в третьем послании в Псково-Печерский монастырь не содержится ни малейшего намека на то, что старцы получили предыдущее послание Курбского и тем более ответили на него. В конце третьего послания Курбский мимоходом и с полным безразличием сообщал Васьяну: «Да послали есмя к тебе второе посланиеице против всего пятого евангелия».⁹⁵

Если Курбский мог уведомить Васьяна о посылке ему второго послания только после побега в Литву, то очевидно, что послание в Псково-Печерский монастырь не было отослано адресату до самого момента бегства.

Причины очевидны: письмо содержало слишком откровенную критику царя и высших духовных лиц.

Можно указать и на недостающее звено между вторым и третьим посланиями Курбского — краткую записку его в Юрьев к неизвестным лицам, написанную тотчас после бегства.⁹⁶ В записке Курбский просил достать из тайника на воеводском дворе в Юрьеве «писание», адресованное в Печоры («писано в Печеры») и заключавшее в себе «дело государское». Курбский заклинал доставить это послание либо к царю, либо в Псково-Печерский монастырь: «Вымите бога ради, положено писание под печью, страха ради смертного. А писано в Печеры, одно в столбцах, а другое в тетрадях; а положено под печью в ызбушке в моей в малои; писано дело государское. И вы то отошлите любо к государю, любо ко Пречистой в Печеры».⁹⁷

Не остается сомнений в том, что в тайнике на воеводском дворе в Юрьеве хранилось второе послание Курбского в Псково-Печерский монастырь, так и не отправленное адресату до бегства в Литву.

Послание Курбского, содержащее целую политическую программу и являвшееся страстным протестом против действий царя и иосифлянкой церкви, было адресовано Васьяну, но в действительности имело в виду Грозного и все Российское царство. Вот почему свое послание псково-печерским старцам Курбский после побега просил отослать, как то ни удивительно, прямо к царю или, в ином случае, в Печерский монастырь.

Автор послания-памфлета стремился изобличить царя в «законопреступлениях», чтобы тем самым оправдать собственную измену. Но осуждение со стороны псково-печерских старцев, в которых Курбский видел своих единомышленников, быстро рассеяло иллюзии беглого воеводы. Он увидел, что не может рассчитывать даже на ответ с их стороны. Вот почему он многословно укоряет Васьяна за отказ ссудить ему деньги и

⁹⁵ РИБ, т. XXXI, стр. 410.

⁹⁶ Г. З. Кунцевич ошибочно поместил записку прежде трех посланий Курбского Васьяну. В древних рукописных сборниках записка Курбского предпослана третьему посланию в Псково-Печерский монастырь и нигде не встречается вместе с первыми двумя посланиями Васьяну (см. выше).

⁹⁷ РИБ, т. XXXI, стр. 359—360 В той же записке Курбский выражал беспокойство об оставленных им книгах: «Да остались тетрадки переплетены, а кожа на них не положена, и вы и тех бога ради не затеряйте» (там же). После разрыва с печерскими старцами он предпринял попытку заполучить свои книги посредством шантажа. По его просьбе литовский гетман князь А. Полубенский прислал в Юрьев грамоту к сыну боярскому Я. Шаблыкину, предлагая ему отыскать книги Курбского и доставить их ему в обмен на пленного слугу, угрожая в противном случае повесить этого слугу. Другому юрьевскому сыну боярскому И. Огибалову он предлагал найти доспехи Курбского, обещая за это освободить из плена его семью. В грамоте Полубенского речь шла о той же книге (в тетрадах), о которой Курбский писал в своей записке: «...книга одна в полдесте, писана скорописью, а кожа на неи не на всеи, лише на пяте кожа клеена, а тетрадеи в неи есть с шестьдесят и с семьдесят» (там же, стр. 495). В книгу входили слово о Макковеях, Апостол, Житие Августина и т. д. Если, писал гетман Полубенский, Шаблыкин не найдет книги в Юрьеве, то пусть он велит списать Житие Августина у старца Васьяна Муромцева в Печерском монастыре (там же, стр. 496).

в то же время с полным равнодушием пишет, что послал ему «второе посланьице против всего пятого евангелия».

Возможно, что доставить второе послание в Печеры должен был тот же слуга («человек»), который безуспешно просил старцев о денежной ссуде. Кем же был этот слуга, позаботившийся о том, чтобы «посланьице» его господина, спрятанное в тайнике на воеводском дворе в Юрьеве, попало в руки царя или печерских старцев?

По рассказу позднейшей летописи, тотчас после бегства в Литву Курбский прислал к царю с «досадительным» письмом своего верного раба Ваську Шибанова, который будто бы и вручил письмо Грозному в Москве на Красном крыльце.⁹⁸ Однако, согласно более точной официальной летописи XVI в., вся история выглядела несколько иначе. По летописи, после побега Курбского в «немецкой город» юрьевские воеводы поймали его «человека» Ваську Шибанова и под стражей прислали в Москву к царю. «Тот же человек его Васка Шибанов государю царю и великому князю сказал про государя своего князя Андрея изменные дела, что государю царю и великому князю умышлял многие изменные дела».⁹⁹

Официальные источники противоречиво оценивали поведение Васьки Шибанова после его поимки. По летописи, Шибанов рассказал царю многие «изменные дела» Курбского, тем самым предав его. По словам же самого Грозного, Шибанов не только не предавал своего господина, но оставался верен ему до последнего издыхания. «Како же, — писал Грозный Курбскому, — не срамишися раба своего Васки Шибанова? Еже убо он свое благочестие соблюде, пред царем и предо всем народом, при смертных вратех стоя, и ради крестнаго целования тебя не свержеса, и похваляя и всячески умрети за тебя тщашеса».¹⁰⁰

Если предположить, что с запиской в Юрьев Курбский послал именно Шибанова, пойманного затем юрьевскими воеводами, то указанное выше противоречие отпадает само собой. Действительно, Курбский умолял в записке, чтобы его «писаньице» (писано «дело государьское») доставили к царю, но в глазах царя памфлет Курбского явился наиболее веским доказательством «великой» измены беглеца. Если Шибанов и содействовал «открытию» измены своего господина, то он сделал это, как то ни удивительно, по приказу самого Курбского.

Заполучив в свои руки печерское послание Курбского, а затем его послание из Вольмара, Грозный уже в начале июля написал ему обширную ответную «эпистолию». Со своей стороны Курбский ограничился краткой «досадительной» отпиской царю, которую отправил в Россию спустя 15 лет.¹⁰¹ По известным причинам словесная полемика с царем перестала интересовать Курбского.

⁹⁸ По Латухинской степенной книге, Курбский «посла того ж своего верного раба к великому государю царю, с досадительным письмом из Литвы. Тот же Васька Шибанов к Москве прииде и при пути походу государеву на Красном крыльце царю и великому князю Иоанну Васильевичу лист тот подал ... Тогда царь ярости исполнився, призвав холопа того близ себя и осном (посохом, — Р. С.) своим ударил в ногу его и пробив ногу, наляже на посох свой и повеле лист прочитати, в нем же написано со всяким досадительством» (Н. Устрялов. Сказания князя А. М. Курбского, стр. 372).

⁹⁹ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 383. Как отметил Я. С. Лурье, «предпочтение должно быть дано реалистическому рассказу летописи XVI в., а не романтической легенде „Степенной книги“ XVII в.» (Послания Ивана Грозного, стр. 585).

¹⁰⁰ Послания Ивана Грозного, стр. 13.

¹⁰¹ РИБ, т. XXXI, стр. 113—116, 135—136. Второе послание царю было отправлено в Россию в сентябре 1579 г. вместе с третьим посланием (там же, стр. 154, 160). Объясняя причины, помешавшие ему раньше ответить на первое послание царя, Курбский писал: «... аз давно уже на широковестательный лист твои отписах ти, да не

*

В июле 1564 г. Курбский получил от короля Сигизмунда-Августа в поместье богатейшие королевские имения (город Ковель и др.), а осенью того же года принял участие в войне с Россией.¹⁰²

«Русские хроники, — справедливо замечает Н. Андреев, — как официальные, так и более независимые псковские, не без причины называли поведение Курбского предательским. Хорошо осведомленные московские источники даже приписывали ему предложение антирусского союза польско-литовскому королю и считали, что он был инициатором политических планов, направленных против Москвы».¹⁰³

Действительно, по словам официальной московской летописи, после побега в Литву Курбский в 1564 г. «подымаша короля и поостряше на ... цареви и великого князя украины».¹⁰⁴ О том же доносил Грозному русский посол в Крыму Афанасий Нагой после нападения татар и литовцев на Россию осенью 1564 г.: «И короля-де он (Курбский) на тебя, государя, поднял, и царя (хана) велел он же поднять».¹⁰⁵

Курбский не только энергично побуждал литовское правительство к наступлению против России в союзе с крымским ханом, но и непосредственно участвовал во вторжении в Россию. Курбский вместе с князьями В. Острожским и Б. Корецким предводительствовал передовым полком литовской армии, которая в сентябре 1564 г. подступила к Полоцку.¹⁰⁶

Военный союз Литвы и Крыма явился полной неожиданностью для русского правительства. Хан уверял Ивана IV в своей дружбе. Между тем, когда в октябре 1564 г. вся русская армия была стянута к границе с Литвой, татары вероломно вторглись в Россию с юга. Москва была беззащитна перед угрозой татарского нападения: малочисленные гарнизоны, стоявшие в столице и приокских крепостях, не могли противостоять сильному татарскому войску. Однако союзники действовали крайне трусливо. Крымский хан отказался от планов наступления на Москву и ограничился осадой Рязани. Литовцы не решились штурмовать Полоцк. Простояв в двух верстах от города до начала октября, они ушли в Литву. Татары безуспешно пытались взять Рязань приступом, потерпели неудачу и также отступили.¹⁰⁷

Военные действия между Россией и Литвой тянулись до весны 1565 г. Около середины марта 1565 г. князь Курбский участвовал в новом набеге литовцев на русские земли, в результате которого были жестоко опустошены великолукские волости.¹⁰⁸

*

Послания Курбского в Псково-Печерский монастырь принадлежат к числу интереснейших публицистических произведений, появившихся в канун опричнины. Верная датировка посланий позволяет по-новому прочесть многие страницы переписки Курбского и расшифровать смысл политических иносказаний, в которых отразились драматические события того времени.

возмог послати, непохвального ради обыкновения земель тех, иже затворил еси царство Руское ... аки во адове твердыни» (там же, стр. 135) За грамотой Курбского царь прислал в Озерница Г. Плещеева (Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960, стр. 37—38).

¹⁰² Жизнь кн. А. М. Курбского в Литве и на Волыни, т. II, стр. 194

¹⁰³ N. Andreyev, Kurbsky's Letters..., стр. 428.

¹⁰⁴ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 388.

¹⁰⁵ Н. Устрялов. Сказания князя А. М. Курбского, стр. XVIII, прим. «с».

¹⁰⁶ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 390.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Н. Устрялов. Сказания князя А. М. Курбского, стр. XIX, прим. «в».